

Р.Т. НУРТАЕВ,
*главный научный сотрудник отдела фундаментальных исследований,
анализа и разработки НПА в области судебной и правоохранительной систем,
государственной безопасности, обороны и надзора
Института законодательства РК,
заведующий кафедрой уголовного, уголовно-исполнительного права
и криминологии Казахского гуманитарно-юридического университета,
доктор юридических наук, профессор*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАЗРАБОТКИ МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОПАСНЫМ ВЫЗОВАМ И УГРОЗАМ XXI ВЕКА

В разработке методологических аспектов уголовного права стран СНГ актуальными направлениями исследования представляются творческие изыскания ученых, ориентированные на поиск новых научных подходов к объяснению природы и сущности преступлений и преступности в современных условиях. Преступность, как это объясняется в криминологической теории, есть социально-правовое и изменчивое явление. А поскольку в странах постсоветского пространства основные социальные признаки и свойства, присущие преступлениям и преступности, имеют значительное сходство, то ошибки, видимо, не будет, если выдвинуть предположение о том, что в республиках СНГ колебания количественных и качественных показателей преступности могут быть обусловлены факторами, составляющими в совокупности мало отличающиеся друг от друга детерминанты и иные криминогенные основания. В силу этих обстоятельств решение задачи создания и укрепления методологического фундамента уголовного права стран СНГ правомерным было бы строить с учетом правовых, социально-экономических, политических, культурно-нравственных и иных объективных факторов, выполняющих определенные интегративные функции среди этих стран.

Проведенная во второй половине 90-х годов прошлого столетия реформа уголовного законодательства в странах постсоветского пространства осуществлялась с ориентацией на Модельный Уголовный кодекс стран СНГ. Разработку и принятие Модельного Уголовного кодекса вовсе не следует связывать с какими-то идеологическими или политическими соображениями и оценками, а в большей мере авторов этого международного юридического документа объединяло

тесное творческое сотрудничество, конечной целью которого было создание уголовного законодательства стран СНГ, соответствующего международным стандартам и учитывающего положительный опыт правотворчества развитых зарубежных стран. Кроме того, стремление к консенсусу между вышеназванными разработчиками уголовного законодательства можно объяснить и тем обстоятельством, что в постсоветских странах в основном продолжает функционировать континентально-кодифицированная (романо-германская) система уголовного права.

Действующая в настоящее время в республиках СНГ система уголовного права то и дело подвергается определенной корректировке и различным изменениям, обусловленными, прежде всего, происходящими как в планетарных масштабах, так и в отдельных странах, социально-экономическими, правовыми, политическими, культурно-нравственными и иными метаморфозами. В интересах решения задачи активизации борьбы с преступностью большее значение имеет приложение дальнейших усилий к созданию и надежного и устойчивого теоретического фундамента, и эффективного правотворческого и правоприменительного механизма, способного обеспечить сдерживание и обуздание все нарастающих масштабов преступности в современных условиях.

Об опасных тенденциях, обозначившихся в количественных и качественных показателях преступности, в форме новых угрожающих человечеству вызовов, отмечалось на X конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Вене в апреле 2000 г. При этом особое внимание участниками конгресса акцентировано было на необходимости активизации дальнейшей борьбы

с транснациональной организованной преступностью, терроризмом и другими опасными преступными деяниями, на основе международного сотрудничества, в целях эффективного противостояния опасным вызовам XXI века¹.

Неоспорим тот факт, что преступность в настоящее время, в условиях глобализации, представляет собой социально опасное явление, угрожающее всему человечеству. Характеризуя социально опасные последствия глобализма, профессор В.В. Лунеев пишет: «Глобализация идет давно, она затрагивает жизнь каждого человека, каждой страны и мира в целом. И так же давно она беспокоит думающие слои населения разных стран, поскольку несет в себе для определенных государств и народов не столько позитивные изменения, сколько негативные последствия, пути минимизации которых пока недостаточно разрабатываются. Особое значение в структуре негативных последствий представляют криминогенные и иные криминологически значимые последствия глобализации»².

Не будет ошибки, если сказать, что проблемы, связанные с преступностью, трансформировались уже в глобальные масштабы планетарных, «сцепились друг с другом, подобно щупальцам гигантского спрута, опутали всю планету ... число нерешенных проблем растет, они становятся все сложнее, сплетение их все запутаннее, их «щупальца» с возрастающей силой сжимают планету»³. То есть преступность является одной из глобальных проблем, возникших у человечества на его пути к общественному прогрессу, так как «глобальные проблемы – это противоречия, трудности, задачи, вставшие на пути общественного прогресса, без решения которых тот или иной общественный организм погибнет»⁴.

В самом деле, наблюдающийся ныне рост преступности в странах СНГ (в особенности такие тревожащие общественность опасные тенденции, как рост коррупции, транснациональной организованной преступности, распространение наркотических средств и психотропных веществ, торговля людьми и их эксплуатация и др.) создает серьезную угрозу не то что прогрессивному развитию, а и даже нормальному функционированию и дальнейшему существованию отдельных республик постсоветского пространства, когда налицо нару-

шение социального равновесия этих республик в результате воздействия негативных последствий глобализации и преступности.

Теоретическую разработку мер противодействия преступности в условиях глобализации перспективным представляется осуществлять на основе плодотворного использования и творческого сочетания как методов традиционной рефлексии, так и обращаясь к поиску новых подходов для объяснения феноменов преступления и преступности в современных условиях через формирование нового взгляда на сущность права, памятуя о том, что «сущность права может быть постигнута только философским разумом»⁵.

Гегель в своей Философии права основное назначение уголовного права представлял в обеспечении социального равновесия в обществе. В свою очередь, понятие социального равновесия не получило достаточной теоретической разработки в юридической науке, хотя повышенная актуальность и серьезная важность и значимость изучения и исследования проблемы социального равновесия сомнений у ученых вызывать не может. Эти предположения находятся во взаимосвязи с тем обстоятельством, что достижение состояния социального равновесия в государстве и обществе может способствовать созданию реальной основы для обеспечения урегулированности и порядка в республике.

Решение в рамках уголовного права таких задач, как достижение состояния социального равновесия, обеспечение реальных условий для создания социально-правовой атмосферы урегулированности и порядка в государстве и обществе, конечно же, бесспорно, открывает существенные перспективы в плане будущего оздоровления социально-психологической атмосферы в жизни страны.

Фундаментальные понятия уголовного права, как-то: социальное равновесие, урегулированность и порядок, справедливость и другие имеют в совокупности значительный повышенный интерес в теоретическом и практическом смыслах. Кроме того, следует принимать во внимание то положение, что между вышеназванными фундаментальными понятиями и категориями уголовного права имеется неразрывная логическая взаимосвязь и взаимообусловленность.

¹ См. *Государство и право*. М. 2000. № 9. – С. 99.

² Лунеев В.В. *Преступность XX века: мировые, региональные и республиканские тенденции*. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 119

³ Цит.: по кн. Чумаков А.Н. *Философия глобальных проблем*. – М. Знание, 1994. – С. 120.

⁴ Там же, с. 121

⁵ Цит. по: *Общая теория государства и права. Том 2. Теория права*. – М.: Зерцало, 1998. – С. 30.

Если речь вести об отдельных фундаментальных понятиях уголовного права, в частности, о социальном равновесии, то в первую очередь надо констатировать тот факт, что назрела необходимость в формулировке прежде всего дефиниции и раскрытии сущности социального равновесия.

В Толковом словаре под редакцией С.И. Ожегова термин «равновесие» объясняется как состояние покоя, в котором находится какое-нибудь тело под воздействием равных, противоположно направленных и поэтому взаимоуничтожающихся сил. Это, кроме того, состояние спокойствия, уравновешенности, отсутствие значительных колебаний в настроениях, отношениях⁶.

Состояние спокойствия, уравновешенности достигается, как правило, в силу тождества, согласия всех сторон и участников процесса функционирования той или иной системы. В контексте этих положений уместно привести выводы Мартина Хайдиггера о том, что «всякому существу как таковому присуще тождество, единство с самим собой».

То, что закон тождества сообщает, когда мы прислушиваемся к его основному тону, - писал он, - это как раз то, о чем мыслило все западно-европейское мышление: единство тождества – это основная черта бытия сущего. Неважно, - по мнению Хайдиггера, - где и как мы встречаемся с сущим, но тождество окликает нас. Не будь этого окликанья, сущее никогда бы не явилось в своем бытии. И вследствие этого не было бы науки. Ибо наука не была бы тем, что она есть, если бы самоидентичность ее объекта, чем бы он ни был, не была обеспечена с самого начала. Благодаря этой гарантии утверждается возможность научного исследования. Тем не менее, это главенствующее представление тождества объекта не имеет ощутимой пользы для науки. Поэтому успех и плодотворность научного знания основаны на чем-то бесполезном⁷.

В теоретическом и практическом плане выяснение вопросов, раскрывающих сущностные аспекты понятия тождества, имеют прямое отношение к разработке проблемы социального равновесия; по той причине, что основу социального равновесия составляет именно тождество, то есть присущее всякому существу свойство единства с самим собой, ориентированное, прежде всего, на достижение состояния равновесия. Научное исследование проблематики социального равнове-

сия может дать положительные результаты при условии отчетливого представления себе самоидентичности объекта изучения; при условии принятия во внимание того обстоятельства, что успех и плодотворность научного знания о различных аспектах социального равновесия зиждутся на чем-то бесполезном.

Обращение пристального внимания на сущность и значимость фундаментальных категорий и понятий, характеризующих феномен равновесия в жизни человеческого сообщества, может привести воображение к восхищению такими чудесными творениями рук человека, как величественные древнеегипетские пирамиды, знаменитая Эйфелева башня, поражающие архитектурным мастерством многовековые храмы и другие памятники культуры, которые, справедливым будет признать, в совокупности оказались успешно сооруженными в результате строгого соблюдения, беспрепятственного признания и свободного осознания человеком бесспорности и неукоснительности тождества законов гармонии, симметрии и равновесия в жизни и в культуре человечества в целом.

Цицерон отчеканил один из своих афоризмов словами о том, что закон есть опора того высокого положения, которое занимает государство. Этот афоризм наводит опять-таки на размышления о сущности равновесия, но касательно к функционированию государства. Если следовать логике Цицерона под углом зрения сложившихся современных реалий в жизни государства и общества, то вся деятельность государства в соответствии с принципами Конституции должна основываться на законах в интересах утверждения республики правовым государством. Соблюдение государством режима законности, в свою очередь, служит надежным правовым гарантом для создания в результате эффективного действия системы норм права фактических условий социального равновесия в государстве и обществе, а также и обеспечения социальной справедливости нормами права.

«Норма социальной справедливости, - пишет профессор В.Д. Филимонов, - как и любая другая социальная норма, предполагает закономерность определенной реакции общества на то или иное поведение людей. Понятие закономерности является производным от понятия закона как диалектической категории»⁸.

⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 2001. - С. 533

⁷ Хайдиггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник: - М: Высшая школа, 1991. - С. 71.

⁸ Филимонов В.Д. Норма уголовного права. - СПб, 2004. - С. 54-55.

Продолжая свою мысль, Филимонов В.Д. пишет далее: «Л.А. Друянов, подробно рассмотревший место закона в системе категорий материалистической диалектики, выявил ряд характерных для него черт. Он отметил, что закон – это, во-первых, существенное общее отношение (связь) между явлениями или же между их сторонами, которое определяет взаимодействие объектов определенного типа, характер их существования и развития; во-вторых, это отношение в сфере сущности явлений; в-третьих, выражает только необходимые связи между явлениями или их сторонами. Необходимость как важнейшая черта закона означает, что любой закон природы или общества присущ всем без исключения явлениям определенного типа, т.е. бесконечному множеству идентичных объектов. В-четвертых, важнейшей чертой закона является повторяемость явлений или процессов, которая выражает сохраняемость существенных связей в относительно тождественных условиях их проявления. Пятой особенностью закономерности является то, что она не тождественна причинности. Закономерность и причинность представляют различные типы связей между явлениями, которые лишь частично совпадают друг с другом. Закономерность не исчерпывается одними лишь причинными связями, она охватывает и такие существенные связи, которые не носят генетического характера (например, функциональные связи). Шестой существенной чертой закона является то, что он представляет собой меру, которая ограничивает переход возможности в действительность. Перейти в действительность могут лишь те возможности, которые вытекают из закономерностей, присущих объекту. Седьмая особенность закона состоит в его инвариантности, т.е. в способности составляющих его отношений оставаться неизменными при переходе от одних условий существования к другим. Инвариантность означает устойчивость и самих законов. В качестве восьмой особенности закона выступает симметрия образующих его отношений. В ней выражается соразмерность, эквивалентность отношений в условиях происходящих преобразований. Наконец, еще одна особенность закона характеризует его соотношение с понятием структуры системы. Отмечается, что структура системы является совокупностью законов ее строения, функционирования; законов, обуславливающих качественную специфику и динамическую устойчивость системы»⁹.

Приведенные положения, раскрывающие характерологические особенности, присущие закону в системе категорий материалистической диалектики, проливают свет определенной ясности

на решение проблем места, назначения и сущности закона как в человеческой цивилизации в целом, так и в процессе изучения и исследования наиболее важных жизненных аспектов функционирования отдельных государств и сообществ именно на законодательной основе, когда закон исследуется как опора государства, а система права в целом – как гарант поддержания социального равновесия в государстве и обществе.

Решение задачи строгого соблюдения режима законности, возведения важности и значимости системы права в ранг надежного гаранта защиты законных прав и интересов граждан страны, являются, по сути, реальными условиями для построения фундамента правового государства, а впоследствии и правового гражданского общества. Проблематика, связанная с повышением авторитета и роли права в жизни государства и общества, особо актуализируется в настоящее время, когда отчетливо проявляются еще в сознании и поведении множества людей факторы в форме остаточных отрицательных последствий многолетнего правового нигилизма. Когда средствами для разрешения различных жизненных взаимоотношений выступают не законодательство и не урегулированные нормами права цивилизованные варианты поведения людей; а алгоритмы, содержащие в себе массы вариантов неправового, порой даже преступного, поведения, если речь вести о множестве случаев коррупционных злоупотреблений и правонарушений.

Проводимая ныне государством правовая политика должна быть ориентирована на обязательный учет обозначившихся новых тенденций и в юриспруденции, и в правотворчестве, и в юридической практике в конкретном разрешении вопросов дальнейшего совершенствования действующего законодательства. В самом деле, действующее законодательство призвано выполнять функции обеспечения существенных общих отношений (связей) между различными сторонами и явлениями жизненной действительности. К примеру, действующее уголовное законодательство необходимо наполнять потенциальным социально-интегративным содержанием, способным в процессе его применения объединять усилия законопослушных и прогрессивно настроенных граждан на активизацию борьбы с преступлениями не из страха наказания, а из убеждения и осознанной заинтересованности в поддержании в государстве и обществе состояния урегулированности и поряд-

⁹ Там же.

ка. Повышения социально-интегративной роли уголовного права можно было бы добиться за счет расширения масштабов позитивной ответственности принятием новых, поощряющих к правомерному поведению, норм в действующем уголовном законодательстве. Речь идет о создании правовой и социально-психологической атмосферы, иницирующей увеличение поля правомерного поведения и интроспективной ответственности граждан; атмосферы, способствующей сформировать среди множества людей окончательную убежденность в выгодности и целесообразности неукоснительного следования правовым правилам и соблюдения в выборе поведения правовых установлений, нежели нарушения содержащихся в них предписаний, запретов или обязанностей.

«В уголовном праве поощрение, - считает профессор Голик Ю.В., - такой же полноценный инструмент воздействия на поведение, как и наказание. Без наказания, - продолжает он, - уголовное право перестанет быть уголовным, а без поощрения вся уголовная юстиция потеряет смысл, превратится в бездушный карательный механизм, где любые попытки виновного заглавить причиненный вред и свою вину перед обществом и потерпевшим потеряют всякий смысл, ибо не будут предполагать никакой реакции на них. Вот почему, - пишет Ю.В. Голик, - пунитивная юстиция постепенно замещается реституционной, причем делается это в интересах и обвиняемого и потерпевшего»¹⁰.

Анализ и обобщение сущностных аспектов уголовного закона под углом зрения поиска путей его совершенствования наводят, прежде всего, на выдвижение предположений относительно верификации средств к достижению состояния сущностного совпадения между совершенным преступлением и назначаемой мерой наказания. Оценка же сформулированных в нормах Особенной части Уголовного кодекса санкций с позиции их совершенства и соответствия принципам индивидуализации наказания и экономии мер уголовно-правовой репрессии, конечно же, оставляет желать лучшего. Как известно, степень репрессивной направленности проводимой государством уголовной политики определяется с учетом доли применения в массиве наказаний наиболее строгих – то есть лишения свободы. Удельный же вес лишения свободы в системе наказаний в странах постсоветского пространства, по выводам профессора В.В. Лунеева, остается самым весомым в

сравнении с другими видами наказаний, тогда как в развитых странах мира число лишения свободы сведено до минимума (к слову сказать, в Японии - к 10, в ФРГ – к 20% осужденных назначается лишение свободы). Выход из сложившейся в области применения наказаний ситуации видится в полном пересмотре и коренном изменении проводимой государством пенитенциарной политики в сторону расширения практики назначения наказаний, не связанных с лишением свободы; в частности, увеличения масштабов применения и размеров штрафов за преступления. Актуальным и перспективным в деле построения пенитенциарной политики представляется заимствование положительного опыта Бельгии и ряда других стран по внедрению и применению институтов трансакции и медиации в решении проблемы сатисфакции (справедливого воздаяния) за конкретно содеянное преступление. Было бы резонным категорию преступлений «небольшой тяжести» в полном составе перевести в «уголовные проступки» и предусмотреть за них применение штрафов, привлечение к общественным работам, исправительные работы и других видов наказаний, не связанных с изоляцией виновного от общества. Все эти меры, при условии их реализации, послужили бы в совокупности важными началами для пересмотра и дальнейшего совершенствования действующей системы наказаний, в плане ее гуманизации и достижения совпадения сущности назначаемых наказаний сущности содеянных преступлений.

Продолжающийся в настоящее время в правовой политике государства процесс дальнейшего реформирования и совершенствования действующего уголовного законодательства нацелен как раз таки на гуманизацию уголовной политики, поиск и выработку новых подходов к правильной реализации принципов индивидуализации наказания и экономии мер уголовно-правовой репрессии за преступления.

В стремлении к воплощению в жизнь прогрессивных начал гуманизации уголовной политики важное значение имеет выработка своевременной правильной оценки неразрывных, логически взаимосвязанных категорий и понятий, составляющих в совокупности устойчивую плодотворную основу дальнейшего реформирования уголовного законодательства на началах гуманизма, как-то:

1) принятие во внимание научных положений, выводов и рекомендаций, полученных в результа-

¹⁰ *Философия уголовного права. – СПб: «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 29.*

те всестороннего, углубленного исследования и осмысления магистральных тенденций, обозначившихся в развитии прогрессивной гуманитарной мысли в интересах их экстраполяции на характеристику преступности под макро-, национальным, региональным и микрокриминологическим углами зрения;

2) правильный учет и оптимальное использование современных достижений теоретических разработок в области юриспруденции;

3) заимствование в результате сравнительного правоведения положительного опыта правотворческой деятельности развитых зарубежных стран;

4) анализ, изучение, обобщение и совершенствование юридической практики в новых жизненных условиях.

Обращение к проблеме серьезного укрепления теоретического фундамента уголовного права обязывает ученых-юристов к более обширному внедрению в теоретические разработки методологических рекомендаций из области философии права, социологии уголовного права, психологии и других областей наук, а не ограничиваться результатами эмпирических исследований, ориентированных на нормативистский подход в праве. В этом контексте рассуждений вполне уместны весьма остроумные выводы И. Канта о том, что «чисто эмпирическое учение о праве - это голова (подобно деревянной голове в басне Федра), которая может быть красива, но, увы, не имеет мозга»¹¹.

Вышеприведенные гипотетические предположения дают основание для вывода о том, что дальнейшее развитие уголовно-правовой науки перспективным представляется рассматривать в неразрывной взаимосвязи и взаимообусловленности с плодотворным использованием комплексных подходов в поиске методов проведения исследования, не допускающего замыкание и ограничение анализом и обобщением собранных эмпирических материалов. К числу используемых этой наукой методов исследования необходимо отнести в первую очередь такие распространенные и доказавшие свою научную состоятельность методы, как догматический, социологический, сравнительно-правовой, историко-правовой, диалектический и др. При этом следует отметить, что сложные и противоречивые процессы реформирования современного общества, в том числе и в уголовно-правовой сфере, привели к переоценке

многих традиционных методологических постулатов¹².

Так, в восприятии и оценке рыночных отношений в качестве социального блага для народа перспективным представляется исключение чрезмерного увлечения прагматической (утилитарной) стороной, характеризующей рыночную экономику. Прагматизм не может выступить фактором, способствующим ни совершенствованию социальной практики, ни развитию теории познания объективной реальности.

Критикуя отрицательные последствия прагматизма, известный русский мыслитель академик Богдан Кистяковский писал: «Вместо постоянных и неизменных принципов прагматизм выдвигает в качестве решающих моментов изменчивые принципы фактической пригодности, пользы и интереса»¹³.

По сути, академик Кистяковский Б.А. пророчески предостерегал человечество от возможного нависания над ним реальной угрозы опасности социально-экономических, политических, правовых и нравственных катастроф и потрясений, если будет иметь место в жизни людей неумное и разнузданное увлечение утилитарным прагматизмом, устремленностью к извлечению максимальной материальной выгоды и ориентацией на культивирование в качестве основных жизненных ценностей денежного богатства и материального изобилия. События нынешнего времени, проявляющиеся в мировом финансово-экономическом кризисе и политических потрясениях, наблюдающихся в различных странах, служат в совокупности неоспоримыми и прямыми доказательствами правоты пророческих предсказаний Б.А. Кистяковского.

Как это явствует из приведенной в работе выше цитаты Мартина Хайдиггера, достижение успеха и обеспечение плодотворности научного знания основываются обычно на чем-то бесполезном, то в процессе построения различных (в том числе и новых) научных положений и концепций в недостаточной мере логичными представляются предъявляемые порой к научным исследованиям, в особенности к гуманитарным и юридическим, требования практической значимости и полезности. Гипертрофирование степени практической пригодности юридической науки в конечном итоге привело к потере грани между понятиями фундаментальной (чистой) и прикладной юридической наукой.

¹¹ Кант И. Сочинения в 6 томах. - М., 1965, Т.4 ч. 2 *Метафизика нравов*. - С. 139.

¹² См.: Наумов А.В. *Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций*. - М., 1996.

¹³ Кистяковский Б.А. *Философия и социология права*. - СПб: РХГИ, 1999. - С. 10.

Фундаментальная юридическая наука концентрирует в себе лучшие соки идей, концептуальных положений и принципов; заимствованных, творчески переосмысленных и перенесенных на область юриспруденции из разработок и достижений фундаментальных гуманитарных наук, получивших человечеством объективную оценку и соответствующее признание в качестве системы знаний, способных инициировать развитие прогрессивной гуманитарной мысли на принципах, в первую очередь, гуманизма и нравственности.

Идеи и принципы гуманизма и нравственности нашли детализированную разработку в философской науке и в философии права. В настоящее время, когда наблюдается феномен все увеличивающихся масштабов явления синергетики (не поддающегося контролю хаоса в природе и обществе) реализация идей и принципов человечности в построении взаимоотношений между людьми приобретает особо повышенную важность.

Для преодоления возможных вредоносных последствий феномена синергетики государству следовало бы своевременно успевать формализовывать фактически институционализованные отношения в соответствующие правовые нормы, чтобы вовремя установить заслоны на пути к неправомерному поведению.

Профессор Алексеев Н.Н. провел в свое время отчетливое разграничение между понятиями неуставленного, природного права и неправа. «В основе учения об естественном праве, - писал он, - в качестве его всем понятной психологической предпосылки, лежит элементарно простая, но в то же время научно чрезвычайно неясная мысль: всему произвольно установленному противостоит непроизвольное, неуставленное, само по себе и необходимо существующее; образцом таких свойств является природа; следовательно, неуставленное право есть право природное или естественное»¹⁴. Далее Н.Н. Алексеев сформулировал свое научное видение понятия неправа: «... неправо как утверждение отрицательной ценности, можно мыслить только тогда, когда мыслится положительная ценность. Воля, - продолжал он, - «имеет право» утверждаться в известных границах; переход этих границ есть неправо»¹⁵.

Как это показывает жизненная действительность, процесс возникновения, формирования и функционирования общественных отношений протекает на основе объективных социальных, эко-

номических и иных закономерностей, оказывающих воздействие на существование человеческой общности. Одна из обязательных закономерностей состоит в институционализации общественных отношений, которая может выступать в двух ипостасях: 1) официальная, регламентированная государством в законодательстве, институционализация отношений; 2) неофициальная, то есть негласная, не урегулированная нормами права, институционализация. Первая форма институционализации находит свое проявление и распространение в официально установленном правовом поле построения взаимоотношений в государстве и обществе. Вторая форма – в сфере неправа.

Расширение сферы функционирования неправа в правовой жизни бывает обусловлено, как правило, слабостью или отсутствием официальной институционализации; а также запоздалой или отсутствием всякой формализации в правовых нормах отношений, нуждающихся в их юридической регламентации. В таких случаях правовая жизнь, по сути, не прерывается, хотя обнаруживающийся правовой вакуум незамедлительно требуется заполнить в интересах удовлетворения определенных потребностей или достижения поставленных целей. Тут-то и происходит заполнение правового пробела институционализацией неправых отношений: например, когда речь идет о характеристике противоправной природы заключения коррупционных сделок и совершения соответственно коррупционных злоупотреблений и правонарушений. Недостаточная эффективность предпринимаемых правоохранительными органами мер воздействия на коррупционные правонарушения и недостижимость отдельных коррупционеров обусловлены именно институционализацией коррупции.

«Об институционализации коррупции, - пишет профессор Я.И. Гилянский, - свидетельствуют: выполнение ею ряда социальных функций – упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия управленческих решений, консолидация и реструктуризация отношений между социальными классами и группами, содействие экономическому развитию путем сокращения бюрократических барьеров, оптимизация экономики в условиях дефицита ресурсов; наличие вполне определенных субъектов коррупционных взаимоотношений (патрон-клиент), распределение социальных ролей (взяткодатель, взяткополучатель, посредник); наличие определенных правил игры норм, известных субъектам коррупционной деятельности, сложив-

¹⁴ Алексеев Н.Н. Основы философии права. - М., 1998. - С. 30.

¹⁵ Там же, с. 62.

шийся сленг и символика коррупционных действий; установившаяся и известная заинтересованным лицам такса коррупционных услуг»¹⁶.

Одним из опасных последствий институционализации и увеличения масштабов коррупции является, помимо установления фиксированных такс за оказание коррупционных услуг, - обозначившаяся ныне тенденция к формированию рынка предоставления коррупционных услуг в чиновничье-бюрократической и иной среде, к коей люди вынуждены обращаться для разрешения различных своих вопросов.

Всякий рынок, как известно, устанавливает свои правила функционирования: здесь вам и конкуренция, здесь вам и варианты выбора патрона и клиента; здесь, наконец, и реальная благоприятная возможность возникновения таящих в себе потенциальную повышенную социальную опасность криминогенных ситуаций, связанных со стремлением преступно настроенных элементов к монополизации рынка оказания коррупционных услуг, в результате устранения конкурентов различными противоправными методами и способами. В конечном итоге, вольготное функционирование рынка оказания коррупционных услуг может привести к превращению государственного аппарата в некое подобие того «замка», полностью отмежевавшегося от «деревни», представленного Францем Кафкой в его романе «Замок».

Следовательно, при построении тактики и стратегии проведения правовой политики государству надлежит учитывать то объективное обстоятельство, что объемом понятия «правовая жизнь государства и общества» охватывается наряду с правом и неправом. Всякого же рода пробельность права, неправом могут выступать в качестве существенных факторов, инициирующих возникновение криминогенных ситуаций в стране.

Весьма уместным мыслится указать и на то обстоятельство, что дальнейшая теоретическая разработка методологических проблем современного уголовного права должна находиться во взаимосвязи с использованием постоянных и неизменных принципов, каковыми, на наш взгляд, можно назвать гуманизм, эффективность и этичность проводимой государством уголовной политики.

Если обратиться к поиску путей для разъяснения таких аспектов, как гуманизм и этичность в выборе научных подходов разработки методологии уголовного права, особо повышенный интерес в этом плане представляет монографическое исследование профессора Владислава Бачинина, посвященное разработке вопросов философии преступления. «Нормативная эти-

ка, - пишет он, - ориентированная на общее благо, равно как и юриспруденция, требующая справедливости: выдвигают на передний план соображения социальной целесообразности. Этого, как правило, оказывается достаточно, чтобы оставить позади все неразрешимые «гамлетовские» вопросы и опереться на твердые основания общественной необходимости, которая требует решительной борьбы со всеми видами преступлений. На этом пути у цивилизации нет альтернативы. В противном случае социальное «тело» будет обречено на мучительный самораспад. ... метафизический взгляд, - констатирует профессор Бачинин В.А. свой вывод, - способен сообщить преступлению совершенно особые черты и масштабы. Оно начинает выглядеть не как эмпирический факт, но как попирание фундаментальных первооснов бытия, как оскорбление всего миропорядка в целом»¹⁷.

Вполне обоснованны и, конечно же, своевременны выводы профессора В.А. Бачинина о том, что галопирующий, необузданный рост преступности чреват такими социально опасными последствиями, как возникновение реальной возможности мучительного самораспада социального организма. Прав он и в том, что преступления деформируют фундаментальные первоосновы функционирования государства и общества, оскорбляют и нарушают нормальное состояние урегулированности и порядка в стране. В конечном итоге, совокупность преступлений существенным образом нарушает и расшатывает социальное равновесие в стране.

Вместе с тем в порядке пожелания хотелось бы, выражаясь языком А.П. Чехова, поставить Владиславу Бачинину «запятую», выражая свое несогласие по поводу недостаточно удачной формулировки названия монографии. Ведь смысл термина «философия» (любомудрие) никоим образом нельзя впрягать в естественную упряжку с понятием «преступление», поелику по логике таких рассуждений можно дойти и до научного исследования философии кражи, мошенничества, убийства и других преступлений. В конце концов, в почетный орден философов могут оказаться зачисленными воры, мошенники, убийцы и другие преступники, что, конечно же, недопустимо. Более научно обоснованным, правильным и перспективным кажется с методологической позиции дальнейшее углубление и расширение разработки уже оправдавшей себя в теории и практике - философии уголовного права, а не увлечение формулировкой названий, противоречащих элементарным понятиям методологии уголовного права.

¹⁶ Гилинский Я.И. *Девiantность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи.* - СПб, 2004 - С. 218-219.

¹⁷ В.А. Бачинин. *Философия преступления. Изд-во Михайлова В.А.* - СПб, 2000. - С. 7-8.

Решение проблемы защиты личности, ее прав и свобод уголовно-правовыми средствами предполагает поиск и дальнейшую теоретическую разработку основных принципов, понятий и институтов уголовного права под углом зрения нового уголовного законодательства и, соответственно, новых подходов. Это касается, прежде всего, устоявшихся, традиционных положений уголовно-правовой догмы, как-то: понятия преступления, оснований уголовной ответственности, наказания и других проблем Общей части уголовного права. В теоретической разработке нуждаются и новые составы преступлений, сформулированные в Особенной части УК. С позиции дальнейшей гуманизации уголовной политики заслуживает внимания выдвинутое в новое время определение объекта преступления, согласно которому объектом преступного посягательства признается человек (либо группы людей), материальные или нематериальные ценности.

В новом уголовном законодательстве введено понятие преступления, совершенное с двумя формами вины, с указанием на то, что в целом такое преступление признается совершенным умышленно, хотя в уголовном законодательстве и установлено правило, в соответствии с которым объективное вменение не допускается. По сути, двойная форма вины есть новая, третья, самостоятельная форма вины. Поэтому нужно признать этот факт. В статью о категориях преступлений, помимо умышленных и неосторожных деяний, правомерно включить преступления с двумя формами вины, не путая их с умышленными преступлениями.

В статье о невинном причинении вреда констатируется признание деяния совершенным невинно, если лицо не могло предотвратить вредные последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам, которые следовало отнести не к вине (обязательному признаку субъективной стороны преступления), а к вменяемости (обязательному признаку субъекта преступления), поместив это поня-

тие - специальная вменяемость в статью о вменяемости (невменяемости), не путая с признаками субъективной стороны состава преступления.

Дискуссионной и не решенной в уголовном законодательстве остается проблема уголовной ответственности юридических лиц за отдельные деяния, в особенности за экологические, экономические и другие виды преступлений, все более и более актуализирующиеся в связи с дальнейшей активизацией рыночных отношений. Правомерно было бы, на наш взгляд, внести дополнение в норму Общей части УК и констатировать, что наряду с физическими лицами, уголовной ответственности подлежат и юридические лица, в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК.

В зарубежном уголовном законодательстве ответственность за совершение преступлений в организованных формах соучастия детализированно регламентируется. К примеру, в Уголовном кодексе Франции 1992 года ответственность за организованные коррупционные преступления дифференцирована на: 1) активную коррупцию; 2) сообщничество в активной коррупции; 3) пассивную коррупцию; 4) сообщничество в пассивной коррупции. (В 1995 году по обвинению в организованной коррупции в Париже были осуждены бывший президент спортивного клуба «Олимпик» и пять его сообщников)¹⁸.

В дальнейшей деятельности государств СНГ по совершенствованию уголовного законодательства следовало бы заимствовать положительный правотворческий опыт Франции в конструировании составов преступлений, предусматривающих ответственность за коррупцию и совершение преступлений в составах организованных преступных формирований.

В системе наказаний пожизненное лишение свободы, - по сути, новый вид уголовного наказания, и поэтому его необходимо выделить в самостоятельную статью Общей части УК.

Все эти и другие меры реформирования уголовного законодательства способствовали бы дальнейшей гуманизации уголовной политики стран СНГ.

Осы мақалада автор қазіргі жағдайлардағы қылмысқа ықпал ету тиімділіктерінің өлшемдерін қарастырады.

В статье рассмотрены современные проблемы эффективности противодействия преступности.

In the given article the author examines criteria of efficiency of measures of influence on criminality in modern conditions.

¹⁸ См. Газета «Спорт-экспресс». 1995 г. за 17 мая.